

Николай Добролюбов

Черты для характеристики русского простонародья



Николай Добролюбов

**Черты для характеристики
русского простонародья**

«Public Domain»

1860

Добролюбов Н. А.

Черты для характеристики русского простонародья /
Н. А. Добролюбов — «Public Domain», 1860

Теперь дело литературы – преследовать остатки крепостного права в общественной жизни и добывать порожденные им понятия, возводя их к коренному их началу. Марко Вовчок, в своих простых и правдивых рассказах, является почти первым и весьма искусным борцом на этом поприще. В последних своих рассказах он даже не старается, как в прежних, выставлять перед нами преимущественно то, что называется обыкновенно «злоупотреблением помещичьей власти». Что уж толковать о злоупотреблении того, что само по себе дурно, – о злоупотреблении пьянства или воровства, например! Что уж говорить о таких явлениях, к которым подавало повод крепостное право, но без которых оно могло иногда и обходиться! Нет, автор берет теперь нормальное положение крестьянина у помещика, не злоупотребляющего своим правом, и кротко, без гнева, без горечи рисует нам это грустное, безотрадное положение.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

10

Николай Александрович Добролюбов

Черты для характеристики русского простонародья

(Рассказы из народного русского быта Марка Вовчка. Издание К.
Солдатенкова и Н. Щепкина. М. 1859)

В прошлом году некоторые обстоятельства, всего более досадные для нас самих, помешали нам подробно говорить о малороссийских рассказах Марка Вовчка, переведенных г. Тургеневым^[1]. Мы должны были ограничиться только небольшою выдержкою из статьи г. Костомарова, написанной им для «Современника» еще тогда, когда «Народні оповщання» только что появились в малороссийском подлиннике^[2]. Надеемся быть несколько счастливее теперь, при появлении новой книжки рассказов Марка Вовчка, еще более любопытных для нас, так как они взяты из жизни народа великорусского.

Мы вовсе не из землячества интересуемся изображением великорусского быта более, чем малороссийского. У нас есть на это другие причины, заключающиеся в тех мнениях, каким в последнее время подвергался великорусский крестьянин, преимущественно пред малорусским. Узкий патриотизм, все человеческие интересы подчиняющий землячеству, достаточно надоедает и в немцах какого-нибудь ландграфства Гессен-Гомбургского или княжества Лихтенштейнского; мы можем от него и освободить себя. У нас нет причин разъединения с малорусским народом; мы не понимаем, отчего же, если я из Нижегородской губернии, а другой из Харьковской, то между нами уже не может быть столько общего, как если бы он был из Псковской. Если сами малороссы не совсем доверяют нам, так этому виной [такие] исторические обстоятельства [, в которых участвовала административная часть русского общества,] а уж никак не народ. Да это, впрочем, понимает масса людей в самой Малороссии [: *москалями* зовут там солдат, так точно, как *панами* зовут помещиков...].

Сами рассказы Марка Вовчка служат доказательством того, что благоразумные малороссы умеют ценить народ русский, не делая резкой разницы между Малой и Великой Россией. Новая книжка «Народных рассказов» проникнута тем же характером и тенденциями, как и прежние «Народні оповщання». Великие силы, таящиеся в народе, и разные способы их проявления под влиянием крепостного права – вот что видим мы в этих рассказах. Тон автора обрывисто певучий, характер рассказа грустный и задумчивый, второстепенные подробности, полные чистой и свежей поэзии в описаниях и беглых заметках, – все это осталось таково же, как и в прежних рассказах. Только имена людей и мест, изображения природы, игры и песни вводят нас в великорусский быт, да еще отношения крестьян к крепостному праву имеют здесь свой особенный оттенок.

Эта-то особенность и занимает нас всего более. В малороссийских рассказах мы видели злоупотребления помещичьей власти и злоупотребления нередко довольно крутые. Это даже подало, говорят, повод одному известному русскому критику объявить произведения Марка Вовчка «мерзостно-отвратительными картинками» и, причисливши их к обличительной литературе, вследствие этого отвергнуть в авторе их всякий талант литературный^[3]. Мы не

^[1] Марко Вовчок, Украинские народные рассказы. Перев. И. Тургенева. СПб. 1859.

^[2] Речь идет о заметке Н. А. Добролюбова «Украинские народные рассказы Марко Вовчка» («Современник», 1859, кн. V), в которой он высоко оценивал «Народні оповщання» Марко Вовчка и перевод их, сделанный И. С. Тургеневым. До последнего времени комментаторы сочинений Добролюбова считали эту заметку частью запрещенной цензурой статьи Н. Костомарова о Марко Вовчке, которой она была предпослана. В. Э. Боград убедительно доказал принадлежность этой заметки Добролюбову (см. «Литературное наследство», № 67, стр. 264–266).

^[3] Речь идет о А. В. Дружинине и его статье «Об «Украинских народных рассказах в переводе И. С. Тургенева» («Библиографический вестник», 1859, № 1).

читали статейки строгого критика, потому что давно уже перестали интересоваться его литературными приговорами; но тем не менее мы понимаем процесс, посредством которого он составил свое заключение. Он – приверженец теории «искусства для искусства»; рассказы Марка Вовчка нашли себе хвалителей тоже в числе приверженцев этой теории. Можете себе представить, что именно нравилось в этих рассказах таким хвалителям. Мы сами слышали, как двое художественных ценителей восхищались необыкновенною прелестью и поэтичностью одного места, которое, кажется, так читается: «Геть, геть, далеко в поле крест над его могилою виднеется». Строгий критик, осудивший Марка Вовчка, оказался даже несколько благоразумнее подобных ценителей, понявши, что «геть, геть, далеко в поле» еще не есть чрезвычайная высота художественности. А что он ничего другого не в состоянии был понять в «Народных рассказах», так это опять совершенно естественно, и весьма странен был бы тот, кто стал бы ожидать от него такого понимания. Тогда он сделался бы отступником теории «искусства для искусства»; а может ли он отступить от нее? Без нее что бы он стал делать на свете, куда бы годился он? Без нее он должен был бы исчезнуть, как исчез Иван Александрович Чернокнижников, как исчезал Кузьма Петрович Прутков [на то время, когда у нас поднимались великие общественные вопросы].

Но дело не в приговорах художественного критика: бог с ним, – ведь его никто не принимает серьезно, стало быть художественные потехи его остаются совершенно безвредными. Мы имеем в виду другие толки, другие мнения, о которых считаем удобным поговорить теперь, по поводу книжки Марка Вовчка. Мнения эти довольно распространены в известной части нашего общества, называющей себя образованною, и между тем они обнаруживают [не только] непонимание дела [, но] и [крайнее] легкомыслие [или самую неразумную недобросовестность]. Мнения, о которых мы говорим, касаются характеристики русского крестьянина и его отношений к крепостному праву. Крепостное право приходит к своему концу [и делается достоянием истории; о нем нечего толковать, оно отжило свой век]. Но факты, [тяготевшие над государством] в течение столетий, не проходят даром, не остаются без всякого следа. Какое-нибудь местничество держится в нравах, спустя два столетия после его уничтожения законом; можно ли ожидать, чтобы внезапно пересоздались все отношения, бывшие следствием крепостного права? Нет, еще долго будет оно отзываться нам – и в книжках, и в гостиных разговорах, и в целом устройстве наших житейских отношений. Понятия не только отживающего поколения, не только того, которое теперь действует, но и того, которое еще только готовится выступить на общественную деятельность – сложились, если не прямо на основании крепостного [несвободного] устройства, то, во всяком случае, не без сильного его влияния. [До последнего времени нельзя было с достаточною прямою восставать против этих понятий, потому что основание их, –] крепостное начало, – было узаконено и принято государством. Теперь это начало отвергнуто, [признано противным правам человечества, лишено покровительства законов,] и, стало быть, понятия и требования, им порожденные и воспитанные, находят себе осуждение в том самом, что прежде служило им оградой. Теперь дело литературы – преследовать остатки крепостного права в общественной жизни и добывать порожденные им понятия, [возводя их к коренному их началу]. Марко Вовчок, в своих простых и правдивых рассказах, является почти первым и весьма искусным борцом на этом поприще. В последних своих рассказах он даже не старается, как в прежних, выставить перед нами преимущественно то, что называется обыкновенно «злоупотреблением помещичьей власти». Что уж толковать о злоупотреблении того, что само по себе дурно [, – о злоупотреблении пьянства или воровства, например]! Что уж говорить о таких явлениях, к которым подавало повод крепостное право, но без которых оно могло иногда и обходиться! Нет, автор берет теперь нормальное положение крестьянина у помещика, *не* злоупотребляющего своим правом, и кротко, без гнева, без

горечи рисует нам это [грустное, безотрадное] положение. И из этих очерков, – в которых каждый, кто хоть немного имел дело с русским народом, узнает знакомые черты, – из этих очерков восстает перед нами характер русского простолюдина, сохранивший основные черты свои посреди всех обезличивающих, давящих [, убивающих] отношений, которым он был подчинен в течение нескольких столетий. На некоторые черты этого характера мы и хотим теперь обратить внимание.

Известно, что о русском народе существует два мнения, противоположные друг другу в самом корне. Одни полагают, что русский человек ни на что сам по себе не годится и представляет не более, как нуль: если подставить к нему какие-нибудь [иностранн]ые цифры, то выйдет что-нибудь, а если нет, так он и останется в полнейшем ничтожестве. Другие, напротив, имеют о русских то же понятие, какое имеют насчет; обезьян некоторые простолюдины, уверяющие, что обезьяна все понимает и говорить умеет, только из хитрости скрывает свои дарования. У нас, видите ли, что ни мужик, то гений; мы неучены, да нам и науки никакой не нужно, – русский мужик топором больше сделает, чем англичане со всеми их машинами; все он умеет и на все способен, да только, – не знаю уж почему, – не показывает своих способностей. Эти два мнения многими распространяются не только на Великую, но и на Малую и Белую Россию и на все славянское племя. Первое мнение, как известно, теперь уже отстало: оно процветало до 1812 г. Отечественная война показала нам, что мы такое есть на свете, и мы до того прониклись славой двенадцатого года, что наконец сделали-таки его смешным – и у себя и перед иностранцами. [Таким образом, в одной карикатурной истории России, изданной во Франции во время восточной войны, Олег идет на Константинополь с криком: «Не посраим русской земли, умрем за веру и отечество! *Мы те же герои, что и в 1812 году!*» То же кричит и Игорь и Святослав и т. д.] Действительно, двенадцатый год сделался для нас неисчерпаемым источником самохвальства и заменой всех добродетелей. Толкуют нам о взятках, а мы вспоминаем двенадцатый год, [указывают на комиссариат – мы обращаемся к двенадцатому году,] говорят о движении идей – мы сейчас же к двенадцатому году и к Пушкину... Так было до 1857 года, в конце которого появились первые официальные распоряжения об освобождении крестьян^[4]. Тут общество осмотрелось и, все продолжая восхищаться Пушкиным и двенадцатым годом, сделало, однако же, более точное определение своих мнений. Оно нашло, что двенадцатый год, как и Пушкин, не принадлежит всему народу без исключения, что не всякая голь перекатная способна понимать прелесть «Евгения Онегина», да не всем поголовно принадлежит и заслуга [вымораживания] французов. Решено было, что в России движение идей и движение доблестей совершалось в одной известной части народа, и о высоком значении этой части в судьбах всей России, именно в этом отношении, «Московский вестник» уже обещал нам представить статью одного знаменитого русского писателя. Будем ждать обещанной статьи и тогда, если позволят обстоятельства, попробуем вникнуть в подробности дела, защищаемого знаменитым писателем, а теперь будем продолжать изложение того, как в образованной части общества сформировалось в последнее время несколько более определенное понятие о доблестях русского народа. Доблести эти, по новейшей редакции, принадлежат, собственно, «известной части» общества; масса же народа, хотя тоже, конечно, имеет их, но еще не может быть вполне признана их обладательницею, ибо еще не начала жить «сознательной жизнью». Это мнение так было хорошо выдуманно, что к нему пристали все – и те, которые уверяли, что русский человек – нуль, и те, которые давали понять, что он – хитрая обезьяна. Первые говорили: «Ну да, когда кто-нибудь возьмется за дело и внушит русскому человеку, что и как надо делать, так он и сделает... Мы ведь о том именно и говорили, что он сам по себе, без руководителя, никуда не годится». Другие тоже восклицали: «Ну да, и мы ведь стояли на том, что русский человек

^[4] Имеются в виду рескрипты Александра II от 20 ноября и 6 декабря 1857 г. на имя Виленского и С.-Петербургского генерал-губернатора об «улучшении быта крепостных крестьян».

способен ко всему; а само собой разумеется, что надо эту способность направить, надо уметь его вести хорошенько». Таким образом, все согласилось, что русский человек есть существо удоборуководимое и неотлагаемо нуждающееся в руководительстве, в мирном, так сказать, и отеческом попечении о развитии и направлении его рук, ума и воли. [Читатель, конечно, без комментариев понимает, что значит такое соединение противоположных мнений и где тут главный жизненный пункт... Заметим еще, что] здесь-то и специализировалось понятие о русском человеке, как о великорусском крестьянине по преимуществу. Славянское племя было вызываемо на сцену только в разговорах уже весьма выпященного свойства, и то преимущественно людьми, любящими толковать о гниении Европы^[5]. Что же касается до общепринятых толков, то в них великорусский крестьянин явно отделялся даже от малорусских и белорусских своих собратий. Относительно белорусского крестьянина дело давно решенное: [забит] окончательно, так что даже лишился употребления человеческих способностей. Не знаем, в какой степени ложно это мнение, потому что не изучали специально белорусского края; но поверить ему, разумеется, не можем. [Целый край так вот взяли, да и забили, – как бы не так! Это так же, как итальянцев забили, расслабили, лишили любви к родине и к свободе!.. Посмотрите-ка теперь на них... Во всяком случае вопрос о характеристике белорусов должен скоро быть разъяснен трудами местных писателей.] Посмотрим, что еще скажут сами белорусы. Кстати, мы уже слышали, что с будущего года предположено издание «Белорусского вестника», редакцию которого принимает на себя некто г. А. Крейц, человек, на усердие и благородство направления которого можно надеяться.

Что касается до малорусских крестьян, то они заслужили отзывы, гораздо более благоприятные. Наше образованное общество училось истории; а известно, что в истории говорится о [кровавой,] смертельной борьбе Украины за свою народность. Кроме того, наше образованное общество отличается вкусом к изящным искусствам и поэзии; а известно, что Малороссия изобилует прелестными песнями, прославляющими козацкую удаль и нежные семейные чувства. Все это, в соединении с тем обстоятельством, что крепостное право водворено в Малороссии очень недавно (это тоже известно из истории)^[6], и поставило наших образованных людей в необходимость несколько выгородить малороссов из того повального осуждения на [удоборуководимость,] которым характеризовали русского человека. «Малоросс ленив, упрям, но горд и независим по характеру; у него тотчас слагается протест против всякого нарушения его прав, и хотя протест этот остается недействительным, но все же он заявляется». Так благоволили отзываться о малороссах весьма умные люди [, такие, которые даже перестали гордиться тем, что они малороссов лишь изредка, да и то в шутку, называют хохлами]. Разумеется, к своему рассуждению они все-таки прибавляли, что руководство необходимо и малороссу, потому что и он тоже необразован и груб, но что во всяком случае надо стараться, чтобы не было поводов к таким попечениям о нем, какие изображены в «Народніх оповщаннях» Марка Вовчка. [К великоруссам вообще были гораздо суровее.] Не то чтобы их считали достойными такого обращения, какое выставлено в малороссийских рассказах, а так, знаете, находили, что для великорусса это бы ничего: он, дескать, привык и не очень чувствителен к подобному обхождению. Тонкие и деликатные чувства в нем заглохли; сознания собственного достоинства и чувства чести для него не существует; прав собственной личности и личности другого он не понимает, и потому весьма многие вещи, которые [возмущают нас до глубины души,] не возбуждают в нем ни малейшего [негодования,] не вызывают даже слабого протеста. Мало того: русский мужик даже не понимает иных мер, кроме строгости. Напрасно будете вы взывать к его человеческому достоинству, к святым чувствам долга и права: он не поймет вас, потому что эти чувства ему незнакомы. Для него нужны иные побуждения; нужно, чтобы требования долга

^[5] Людьми, любящими толковать о гниении Европы, Добролюбов называет славянофилов.

^[6] Украинское крестьянство было закрепощено лишь при Екатерине II.

олицетворялись в известном начальстве, с строгою карою за каждое преступление их. Оттого-то необходимо удерживать еще на долгое время телесное наказание в крестьянских общинах, оттого-то опасно выводить их из-под благодетельного, отеческого надзора помещиков.

Так толкуют многие умные люди, даже печатно. Раскройте любую книжку «Журнала землевладельцев», из которого недавно перепечатаны великолепные «Вечера с разговором», известные, вероятно, нашим читателям по выписке из них в «Свистке»^[7]. Да обратитесь и к «Сельскому благоустройству»^[8] – и там найдете то же самое, и ежели захотите поискать, то отыщете нечто подобное и в других журналах, только, разумеется, несколько в иных формах. Мы выставили самую грубую, то есть самую простую форму мнения о том, что, вследствие чего бы то ни было, мужик русский имеет теперь низшую природу, нежели прочие люди, принадлежащие к [привилегированным] классам. А бывает форма гораздо более замысловатая. Например: «Удивительно создан русский человек! Какая сила терпения, какое величие самоотвержения! Мы кричим и хлопочем, едва нас пальцем тронет кто-нибудь, а русский мужичок безропотно переносит всевозможные тягости и обременения и, в надежде на милость божию, спокойно идет своею серенькой полоской, неустанно работая и зная, что не ему будут принадлежать плоды трудов его. Мы эгоистически рассчитываем каждый свой шаг, принесет ли он нам пользу, а простого русского человека пошлите на верную смерть – он пойдет беспрекословно, даже не спрашивая, зачем его посылают»... и т. д. и т. д. Вы видите, что сущность мнения та же самая: мужик, дескать, груб и необразован, и потому не имеет ни сознания прав своей личности, ни собственного разума и воли. Но форма здесь, очевидно, дипломатическая, и потому в подобных формах высказываются обыкновенно такие образованные люди, которые готовятся к ораторским торжествам и в ожидании их дают обеды знаменитым иностранцам и пред *оними* расточают свое красноречие.

Но справедливы ли, в сущности, мнения образованных и красноречивых людей? Точно ли существенная и отличительная черта русского простого человека – «недостаток инициативы», необходимость постороннего понуканья? «Гром не грянет, – мужик не перекрестится», – говорят в свое подкрепление красноречивые знатоки русской народности, выдавая этот пошлый афоризм какого-то грамотея за *народную* русскую пословицу. Но что они под громом-то разумеют? Не *«аплодисменты»* ли, о которых говорит Щедрин в начале своих «Губернских очерков»? Не душеспасительное ли русское слово, убеждающее русского человека работать не впрок себе?^[9] Да, если [взять юридическую точку зрения и] трактовать крестьянина как вещь [себе не принадлежащую,] то, конечно, выйдет, что у него и не должно быть никакой инициативы, что она была бы преступлением и что так как за преступление наказывают, то он очень хорошо делает, что ее не обнаруживает. Но оставьте крепостное воззрение, да оставьте не в формальностях только, а совсем, в самой сущности оставьте и постарайтесь представить себе русского мужичка как обыкновенного независимого человека, как гражданина [, пользующегося всеми правами и преимуществами свободного государства]. Если у вас достанет на это воображения и если хоть немножко знаете основание характера и быта русского простонародья, то в вашем воображении тотчас явится картина людей, очень хорошо и умно умеющих располагать своими поступками. А чтобы помочь вам в подобном представлении, мы берем книжку Марка Вовчка и напомним вам несколько русских характеров, в ней изображенных.

[7] Речь идет о книжке, изданной в 1859 г. Н. С. Толстым: «Шесть вечеров с разговором плантатора и меланхолика», отрывки из которой Добролюбов приводит в № 4 «Свистка» в примечании к сатирическому стихотворению «Дружеская переписка Москвы с Петербургом».

[8] «Сельское благоустройство» – ежемесячное приложение к славянофильскому журналу «Русская беседа», издававшееся в 1858–1859 гг. в Москве под редакцией А. И. Кошелева.

[9] ...«аплодисменты». – Имеется в виду сцена кулачной расправы станового с крестьянином, нарисованная Салтыковым-Щедриным во «Введении» к «Губернским очеркам»....*душеспасительное ...русское слово, убеждающее русского человека работать не впрок себе.* – Речь идет о главе «Русской помещик» в книге Н. В. Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями» (см. Н. В. Гоголь, Полн. собр. соч., изд. АН СССР, М. 1952, т. VIII, стр. 321–328).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания